

Константин Николаевич Леонтьев

Очерки Крита

Константин Леонтьев

Очерки Крита[1]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Повести, собранные в эти две книжки, все из новогреческой жизни, юго-славяне являются в них разве мимоходом. Это, с одной стороны, совершенная случайность; хотя нельзя вместе с тем не заметить, что греческая жизнь больше юго-славянской бросается в глаза: она разнообразнее, полнее, цветистее, так сказать.

Несмотря на эту разницу в степени выразительности, *если только предположить*, что мне удалось изобразить более или менее верно картины греческой жизни нашего времени, то *в общих чертах* — эти рассказы могут дать приблизительное понятие и о быте славян в Турции

Политические интересы могут быть в антагонизме у греков и болгар, у болгар и сербов в иных отношениях; государственно-национальные стремления и чувства могут при-

вести все эти нации к самым разнородным политическим результатам, но общая физиономия быта, картины домашней жизни почти одни и те же у всех христиан Европейской Турции (за исключением молдо-валахов), привычки, личные вкусы, идеалы религиозные, эстетические, нравственные и т. д. имеют в себе нечто однородное, которое подходит под одно название *жизнь христиан в Турции*. Тому, кто не только видел, но и дал себе труд понять греков и юго-славян, тому стоит лишь картину их жизни противопоставить быту чисто мусульманскому, напр(имер), французскому или даже русскому быту, чтобы согласиться со мной. Если только русский человек в силах отделить мысленно *идею политическую от бытового зрелища*, представляющегося ему по приезде его в Турцию, то он должен согласиться с тем, что отношения между греками и юго-славянами напоминают с этой двойной точки зрения отношения поляков к великороссам, англичан к северо-американцам; т. е.: *согласия политического мало, — сходства бытового довольно много*; особенно при противоп-

ставлении этих наций другим нациям, более отдаленным от них по историческому воспитанию или по племенному гению. Прусский дворянин прежнего времени мог быть во многом *политически* очень согласен с русским дворянином; и оба они — и пруссак и русский — были *политически же* ни в чем почти не согласны с дворянином польским; но по *физиономии бытовой*, по чертам лично-психическим поляк с русским ближе и сходнее, чем с прусским немцем. В романах Купера, Бичер-Стоу и даже в каких-нибудь очерках Брет-Гарта видно то же самое отношение к жизни, тот же самый англосаксонский гений, который виден у Вальтер Скотта и Диккенса, с небольшими местными оттенками. А политический антагонизм Англии и Соединенных Штатов так известен, что об нем не идет много и говорить.

Это одно, а второе — вот что.

Надобно для ясности понимания христианского Востока проводить мысленно резкую черту между *эпической*, простонародной половиной всего греко-славянского мира и между той его половиной, которую вернее всего

назвать *буржуазной* (ибо выражение *интеллигенция*, противопоставленное выражению *эпическая часть нации*, было бы в этом случае для народа уже слишком обидно). Вообще можно сказать без долгих объяснений, что *простой* народ на Востоке лучше нашего; он трезвее, опрятнее, наивнее, нравственнее в семейной жизни, живописнее нашего.

Общество же высшее, руководящее, обученное, надевшее вместо великолепных восточных одежд плохо скроенный, дешевый европейский сюртук *прогресса* — хуже нашего русского общества; оно ниже, грубее, однообразнее, скучнее.

Вот что я хотел сказать этим предисловием.

К. Леонтьев

ОЧЕРКИ КРИТА

I

Вчера была свадьба Николи. Он служил года три сеисом (конюхом) у Г. Д. Отец его столяр в Халеппе; один брат золотых дел мастер, другой столяр, как отец. Критские мужчины почти все рослы; особенно горцы-сфакиоты издревле славятся своим ростом, а выходцев из гор Сфакия немало в Халеппе. Николи между другими не высок, и черты лица его гораздо хуже, чем у многих молодых соседей; зато у него большие, прекрасные глаза, одевается он всегда нарядно и отлично ездит верхом. Стоит полюбоваться, когда он крупную рысью гремит по деревенской мостовой в гору и под гору мимо окон своей невесты.

Ноги у него стройны и обуты в голубые чулки; красная куртка в обтяжку и без рукавов; синие шаровары широки как юбка и подобраны красными подвязками под колена; длинная феска набок; он хитер, ловок и отважен, но в обращении ласков и вежлив.

Он нажил кое-что, и отец построил ему около своего Дома другой домик, с террасой и

опрятным двором. Николи приготовил кровать с занавесами из легкой шолковой материи (вроде грубого полосатого газа), которую зовут *хашлама*; повесил ситцевые занавески на окнах; над дверями у него, как у патриота, портрет короля Георгия I; образа в углу; на дворе левкой, фиалки и кусты роз.

Три года он был женихом Елены, ходил в дом невесты каждый день и ночевал там нередко. Чтобы составить понятие об отношениях, которые бывают между критскими обрученными, иногда по несколько лет сряду, нам стоит только представить себе отношения молодых парней к молодым девушкам в Украине. Никто в частых свиданиях не видит там ничего дурного, и никто не мешает молодым людям проводить целые часы с глазу на глаз. Елена очень мила, бела, волосы каштановые, а глаза черные, и она ими умеет искусно владеть; руки прекрасны, нежны; когда она танцует или говорит, то держит головку жеманно набок и представляется как бы усталюю. Говорят, она капризна, а Николи сердит и ревнив, как все греки. Быть может, они будут ссориться, быть может, они будут несчаст-

нее многих других соседей, которые живут так мирно... Но пока, на свадьбе, им весело и легко.

На дворе февраль, и скоро масленица; уже фиалки цветут, рощи седых маслин вокруг деревни мирны, густы и тенисты; с террасы виден город, море и корабли; мы на террасе у невесты в доме, и с утра уже в этом доме не смолкает музыка.

Греческие танцы не смыкаются в круг, как наши хороводы и болгарские танцы, а вьются длинною змеей. Апокорониотика, суэта, сирто, — все эти танцы представляют разомкнутую цепь во сколько угодно человек; танец ведет обыкновенно мужчина, держа свою даму за руку или на платке. Танцуют, собственно, только двое передних, остальные под размер музыки двигаются за ними.

Вот танцует Илья-лавочник (бакал), толстый отец семейства, лет сорока. Что за добродушный молодец! Феска стоит колпаком кверху; свежий, усатый, круглолицый, он больше похож на казака из «Тараса Бульбы», чем на грека. Красный кушак его развязался, он его ловит и все пляшет; поскользнулся,

упал, не смутился, опять вскочил и пляшет еще ловчее прежнего. Вот и другой молодой и богатый лавочник. У него много оливковых деревьев и магазин масла в городе. Жена у него молодая, стройная, скромная. Весь он в темно-коричневом сукне; кушак синий, толковый, и белая рубашка европейского покроя видна из-под богатого нарядного платья. Что за мужчина! Что за рост! какая стройность! Волосы и усы как смоль, а сам бел как блондинка; он танцует скромнее, чем Илья, как бы джентльмен или как человек более ровного нрава. Жених пляшет не слишком хорошо, и ростом теряет против других; но зато брат его, золотых дел мастер, мальчик лет двадцати, белый и нежно-румяный, белокурый красавец, так изящно выводит ногами, что все не налюбуются.[2] Жаль немного, что рядом с этими греками, которые превосходят все ваши ожидания своею живописностью, девушки и женщины в узких кринолинах и в коротких и плохо сшитых по-европейски платьях. Ахиллес и Парис пляшут с субретками! Впрочем, многие из этих девушек и деревенских дам очень милы и красивы, так что все-таки

приятно смотреть.

Невеста одета лучше других: на ней белое кисейное платье с голубыми мушками, на голове повязан синий платочек, с золотыми блестками вокруг; на шее тяжелая серебряная турецкая цепь, и к поясу приколоты большие выпуклые часы (подарок жениха). Она в танцах не принимает участия и сидит внизу, в другой комнате. Вечером же у молодого в доме она, если захочет, будет танцевать.

Наконец приходит священник. В Турции чаще венчают дома, чем в церкви: привычка, оставшаяся от прежней боязни вести открыто в церковь невесту, которую на дороге мог безнаказанно похитить первый встречный турок, или если не похитить, то, по крайней мере, оскорбить или осрамить какою-нибудь выходкой. Это время страха прошло, а привычка венчать дома осталась.

Внизу, на небольшом дворе, обнесенном каменной оградой, поставили стол, покрыли его, убрали цветами, приготовили Евангелие и свечи; металлических венцов, как у нас, здесь в церкви нет, а надеваются простые венки, которые делаются дома; прежде венки

эти делали из одних виноградных лоз, а теперь их украшают лентами, золотыми бумажками и т. п.

Вывели невесту; родными и близкими полон двор; дети и молодые люди посели и по-стали на ограде с ружьями и пистолетами наготове. Раздалась простая, полудикая, звонкая музыка, и между маслинами, по тропе от деревни, показался жених в толпе других молодыхцов, которые вели его за руки.

Поставили красивую, нарядную чету перед столом, надели на них венки, и наш добрый отец Хрисанф обвенчал их. Во все время венчания дети и молодежь палили холостыми зарядами из ружей и пистолетов, несмотря на то, что эта забава строго запрещена начальством.

Мы остались на плоской крыше, вместе с некоторыми гостями, и смотрели вниз; иные из гостей осыпали сверху толпу родных, жениха, невесту и священника конфетами. Это мне, признаюсь, не совсем понравилось, и сам священник раза два с неудовольствием взглянул наверх. Вокруг наля новобрачных, как у нас, не водили.

По окончании венчания все поздравляли молодых, целовали их, целовали венки на их головах и дарили невесту. Около нее стояла подруга и собирала подарки: платочки, большие платки, материи на платья, серебряные талеры, золотые монеты. Мы тоже сошли вниз, поцеловали молодых и дали все по золотому в 10 франков.

Надо видеть прелесть этого и полуденного, и вместе полурусского праздника, в ясный и теплый зимний день; надо видеть это синее море с белою пеной, эти сады перед опрятными домами, людей цветущих, бодрых и красивых; надо знать, что эти люди нам братья по истории, что священник, который венчает молодца и красотку, не итальянец, а наш православный священник, что он молился в церкви за Россию во время Крымской войны и был за это заперт в тюрьму; надо слышать эти выстрелы, чтобы понять, как редки в мире такие картины, которые пришлось нам в этот день видеть, и такие чувства, какие послал нам Бог в этот день испытать.

Эта свадьба обошлась, как-то по счастью, без *зантие* (турецкого жандарма). Обыкновенно

венно один или несколько заптие присут-
ствуют на всех деревенских и монастырских
праздниках, для *предупреждения беспорядков*
и для запрещения стрельбы. Случалось, что
из многих тысяч ружей и пистолетов, разря-
женных на воздухе в разные минуты веселья
в течение года, одно ружье или два пистолета
бывали заряжены пулями, и кто-нибудь был
ранен или убит.

Около меня сидел приятель мой Б., моло-
дой грек с Ионических островов. Мы оба вни-
мательно смотрели с террасы вниз на моло-
децкое веселье. Выстрелы гремели, и если кто
мог подвергнуться случайной опасности, то,
конечно, более всех мы, ибо мы были на вер-
ху, а все выстрелы были направлены снизу
вверх, в двух шагах от дома. Нам было весело,
и Б. наконец спросил:

— Как вам нравится этот род европейского
деспотизма турецкой полиции: посягать на
свободу многих, для того чтоб устранить слу-
чайную опасность от немногих, которые сами
идут на нее с охотой?

— А если бы вас убили? — спросил я.

— Пускай хоть сейчас. Значит мой час про-

бил.

— Помилуйте, — возразил я, — что же это за фатализм! Разве вы турок?

— А разве статистика не фатализм? — опять спросил Б.

— Пусть так, но изменение ее цифр в течение годов доказывает, что люди могут успехами разума ограничивать царство случайностей; общество, изменяясь само, может направлять и статистику...

— Куда? к скуке! — с ожесточением воскликнул Б. — О, Боже! когда же мы поймем это!..

— И в Англии полиция пробовала запрещать кулачные бои, — заметил я.

Б. вспыхнул.

— Да! Да что взяли! — сказал он. — Англичане молодцы: они этих отеческих забот не понимают!

— Да вы, быть может, и напрасно, — сказал я ему в утешение, — обвиняете турок в неуместном прогрессе, быть может, турецкое начальство боится шумных сборищ из-за политических причин и не любит, когда ваши греки привыкают веселиться с оружием в ру-

ках.

— Когда бы так! — отвечал Б., вздыхая. — Когда бы так! Мы просидели за полночь у молодого в доме, куда, вслед за невестой, пришли по захождении солнца; при нас нисколько не стеснялись и плясали до упада. Комната, и здесь довольно просторная, была опять полна народу, и, замечу мимоходом, критские простолюдины так опрятны и здоровы, что воздух в этой комнате был все время чист. Молодцы в синих шароварах, разноцветных куртках и фесках, все до одного были в белых европейских рубашках (хорошая сторона прогресса): они по очереди подходили к столу и пили вино, но ни один не был ни бесстыден, ни груб. Когда входила новая гостья, хотя бы она была последняя из села или чья-нибудь служанка, молодые люди спешили уступить ей свои места и, несмотря на утомление от пляски, стояли на ногах или садились кое-как на окна и друг другу на колена.

Танцы были разнообразнее, чем утром. Б. просил девушек проплясать один танец, которого имя я забыл, но который очень красив. Б.

говорит, что эта пляска сохранилась еще от языческих празднеств. Шесть-семь девушек (в том числе и невеста) исполняли его очень хорошо; они брали друг друга за стан и, сплетаясь руками, двигались и вились лентой весьма изящно. Пожалели мы, что не были они одеты поживописнее; хотя бы так, как одевались они в старину, и как еще и теперь одеваются иные старые еврейки в Крите: юбка как европейская, на голове феска и длинный белый вуаль; обтянутая бархатная куртка, расшитая золотом, и турецкая шаль длинным кушаком по поясу.

Потом один старый портной плясал с нашею милою соседкой, молодою швеей Екатериной, смирский танец.

Старик летал соколом, а смуглая, ловкая Катерина, как скромная птичка, порхала перед ним и вокруг него. Вообще греческие танцы грациозны, но можно пожаловаться, что они слишком однообразны и важны. Смирский танец — исключение: это вихрь, вроде нашего казачка, только, казалось мне, еще живее.

Турецкая музыка звонила часов пять-

шесть без устали. Роздыха музыкантам почти не давали; когда не хотели плясать, пели под музыку греческие песни с турецким напевом. От времени до времени музыкантов обходили двое мальчиков: один вливал им в рот вино, другой нес на тарелке мелкие куски жареной баранины; он брал кусок вилкой и клал в рот музыкантам, чтобы не прерывать музыки. Каждый раз после закуски музыканты оживлялись, звонили, брянчали и барабанили крепче и крепче.

Я был рад, что из иностранцев, кроме нашего русского консула и нас, русских, никого на свадьбе не было. Английский консул живет также в Халеппе; однако его не пригласили: он и не пришел бы, вероятно, да никому из греков и в голову не придет приглашать его. Что у него общего с деревенскими греками?

Нас вечером не ожидали. Все думали, что мы уже днем насмотрелись и устали. Какая была радость, когда мы пришли! Елена и сестра ее не отходили от молодой жены нашего секретаря; они держали ее руки, обнимали ее, шептали ей свои замечания и секреты и, на-

клоняясь к ее уху, брали ее руками за лицо.

Ночь была тепла и темна; мы пошли домой с фонарями по каменным тропинкам между садами.

II

Не все браки в Крите совершаются так правильно и согласно с желаниями и младших и старших, как брак Николи и Елены; похищения девиц здесь не редкость. Это не противоречит строгости семейного строя; напротив, похищение и тайные браки почти везде являются естественными произведениями несколько строгого патриархального быта.

Как бы жизнь ни была проста и однообразна, но страсти и требования не могут не быть разнообразны и подчас враждебны друг другу. Семейный строй, советы и власть родителей уважаются; но любовь берет свое, и пылкость чувств нередко доводит до трагических развязок. Так, незадолго до моего приезда в Крит, младший брат того же Николи, на свадьбе которого я веселился, был без ума влюблен в старшую сестру Елены. Двум православным братьям на двух православных сестрах

жениться нельзя. Николи, конечно, от Елены для него не отказался бы, и молодой человек отравился. Его, однако, успели спасти. Теперь он стал положительнее и помолвлен на очень богатой девушке из дальнего села. Третий брат тоже помолвлен. Я говорил с воскресшим юношей, и он сказал смеясь: «Жена Николи всех трех красивее и всех милее; моя невеста всех трех хуже собой, но смиренная и богатая».

Недавно также в Канее случилось романтическое приключение. У одной небогатой вдовы мелкого торговца три дочери, одна лучше другой. В меньшую, которой едва шестнадцать лет, был давно влюблен двадцатитрехлетний юноша, сын приезжего с какого-то острова купца.

Родители молодца не хотели слышать о бедной невесте; вдова, разумеется, помогала дочери. Священники ни в городе, ни в окрестностях венчать против воли родителей жениха не соглашались. Раз утром богатые родители, проснувшись, узнали, что сын их женат; бросились к архиерею, но ни один из городских священников повинен не был, городские

ворота на ночь запираются, и турки не пропустят никого, кроме консулов. Как же это случилось? Молодые товарищи жениха привезли ночью морем в лодке из дальнего округа священника и, чтобы он не попался, одели его в албанскую одежду с фустанеллой. После свадьбы албанец исчез, и все поиски епископа были тщетны: ему не удалось открыть и наказать лихого иерея. Богатые родители уступили и помирились. Паша мог бы преследовать, по просьбе архиерея, свидетелей, которые привезли священника, но он не считал это нужным. Их допрашивали слегка; они не сказали ничего, и дело кончилось благополучно для влюбленных. Я их видел потом на монастырском празднике в горах. Что за роскошная пара!

Иногда похищают девиц с оружием в руках. С месяц тому назад похитили так одну девушку в одной из соседних деревень. Девушку не хотели отдавать, поклонник ее был вне себя от страсти, собрал пять-шесть удальцов, вооружились и на рассвете приехали верхами на двор. Отца не было дома, дочь выбежала к жениху, братьев связали, но мать, жен-

щина решительная, сорвала со стены пистолет и прицелилась в того, кто сажал дочь на мула. Молодой человек не осмелился поднять оружия на огорченную старуху, и она раздробила руку своему будущему зятю. Однако и с раздробленной рукой он обвенчался как-то в горах, а раз церковное таинство совершено — для грека все кончено; о гражданских формальностях здесь не думают.

Не всегда, впрочем, похищения бывают свидетельством любви. Случается, что бедные молодцы похищают богатых (сравнительно, конечно) невест с их согласия, а иногда даже против их воли. Надеются, что родители после уступят и дадут приданое.

Жители гор Сфакия, или Белых гор, особенно мастера на такую ловлю. Горы эти неприступны до того, что не только на лошадях туда не ездят, но и обыкновенный мул, как ни верна его нога, для Сфакии не годится. На этих стремнинах и утесах только те мулы хороши, которые на них родились и выросли. Почва там бесплодна; кроме овцеводства и охоты, почти нет промыслов; полгода стоит суровая зима. Само турецкое начальство не

знает, что делать, когда надо собирать с сфакиотов подати. Эти Белые горы для Крита то же, что Черногория для всего Балканского полуострова. И в древности сфакиоты славились как стрелки из лука, теперь славятся как стрелки из ружья. Во время войны за независимость в 1821 и так далее годах они более всех других критян вредили туркам. Поэтому-то греки долин и городов, хотя в мирное время боятся их проделок, их воровства и разбоев и зовут их ворами (клефтами), но бранят их с какою-то дружескою, одобрительною улыбкой, и слово «клефт» произносят совсем не с тем чувством, с каким мы произносим слово «вор». Впрочем, это явление повторяется по всей Турции, и слово «клефт», как известно, и у нас стало достоянием поэзии. Сфакиоты необыкновенно рослы, красивы, сильны и легки. Я видел одного почти саженого старика-капитана, который начальствовал отрядом еще в двадцатых годах. Почтеннее, красивее и благодуще старца трудно себе представить. Многие из горцев покидают, впрочем, надолго свои бесплодные скалы и предаются честным ремеслам в городах и се-

лах; но есть и такие, для которых удаль и легкая добыча остаются навек милее.

А что удалее и веселее, как похитить силой красивую и богатую девушку? В 1863 году одно такое похищение наделало много шума по всему острову и неожиданно подало повод паше сделать решительный и почти неслыханный шаг, вступить в Белые горы с войском и собрать с факиотов подати.

Сфакиоты не ожидали этого. Они принуждены были принять пашу как нельзя лучше; паша обласкал капитанов и рассмотрел много затянувшихся дел. Что касается до солдат, то они приняты были ни враждебно, ни дружественно. Сфакиоты, при их приближении, покидали свои жилища, оставляя в деревнях только то, что нужно было для пропитания отряда. Солдаты находили себе пищу, питье и ночлег в пустых домах. С тех пор Измаил-паша от поры до времени делает дружеский визит сфакиотам уже без войска. Довольны они или нет? Едва ли.

Но самое оригинальное из всех похищений случилось в Халеппе, лет семь тому назад, при Вели-паше, почти у ворот самого ге-

нерал-губернатора. У Вели-паши был тогда в Халеппе дом, тот самый, в котором живет теперь английский консул. Дом этот построен над переулком, который туннелем проходит сквозь нижний этаж. Как раз за этим туннелем стоит старый дом родителей уже знакомой нам Елены (из этого туннеля любил выскакивать на лошади, мимо Елены, Николи). Семья Елены одна из самых бедных в Халеппе. Отец ее, седой старик, ходит всегда согнувшись, в толстом коричневом сукне, тогда как почти все остальные отцы семейства одеваются щеголями. Они очень бедны; но отсутствие приданого все дочери вознаграждают милостью и кокетством. Кроме Елены и Аргиро (из-за которой хотел отравиться младший брат Николи), была у старика еще старшая дочь, красивее всех. В нее влюбился без памяти молодой повеса, пьяница и драчун, из другой деревни. Девушке он не нравился, и она боялась его. Но повеса имел средства к жизни и умолял отца возлюбленной, обещая исправиться и быть добрым мужем. Старик, обремененный семьей и поденною работою, решился на меру не совсем похвальную. Он

позволил повесе насильно похитить дочь. Ночью под туннель паши забрались товарищи; мать и все дочери спали; старик взял с собой жениха и постучал к старшей дочери; она узнала его голос и отворила дверь. Вместо отца на нее кинулся жених, всунул ей в рот платок, схватил ее на руки и на мула... Однако она успела закричать так громко, что соседи проснулись и выбежали. Но молодежь с своею прекрасною ношей уже умчалась вихрем из Халеппы. В деревне похитителя священник уже был готов, и девушка покорила свою участь. Иные говорят, что она несчастна, что муж такой же пьяница и буян, каким был до брака; другие говорят, что «ничего, живут хорошо». Я видел ее, лицо ее свежее и не грустное; но это, конечно, еще не значит, чтоб она была счастлива.

Любопытно, что люди Вели-паши спали так крепко и беззаботно, что никто не слышал ее крика. Паша, конечно, имел бы право обидеться дерзостью деревенской молодежи; но в Турции люди иногда страдают за ничто, а иногда им сходит с рук проделки и поважнее этой.

Напомним кстати, что турецкое начальство по льготам, дарованным султанами иноверцам издавна, не имеет права вмешиваться в их семейные дела. В таких делах у православных всемогущее лицо до сих пор митрополит или епископ, а паша служит только исполнительною силой по его указанию.

III

Бедность здесь не ужасна и не гадка. В ней видно нечто суровое и мужественное. Горы, хижина, чистый воздух и прекрасный климат; здоровые, бронзовые дети. В тех вершинах, где полгода лежит снег, я не был и знаю, что люди там бедны: но и эта бедность не гнила и не грязна. Иначе, как бы сфакиоты могли быть первыми воинами и атлетами острова?

В подгородных деревнях, в Халеппе, Галате, Анеро-куру, Скалариа и такой бедности мало. В Халеппе я знал одного старика, почти нищего, который собирал по садам ¹ улиток, продавал их для кушанья и этим жил. Старик был дряхлый, но еще здоровый, и толстая ветхая одежда его не была грязна.

Знал я еще одну семью. Ее считали все несчастною. Отец тесал камни в Халеппе, мать смотрела за огородом и маленьким виноградником; мальчики, один восьми, другой семи-шести лет, пасли овец. Домик у них был очень мал и беден. Единственная комната была полна рабочих снарядов; станок, на котором мать ткала одежду себе и детям, занимал полжилица. Они поселились здесь недавно и жили особняком, одни, на горе. Гора эта камениста и суха; только зелень садика, разведенного бедною семьей, оживляет ее; внизу Халеппа: город виден весь, а там далекие селения, снежная Сфакия и море.

Я часто видел детей, Яни и Маноли, когда они пасли овец, всматривался в их лица, говорил с ними. Они привыкли ко мне, и каждый раз как завидят меня, бегут домой, приносят стклянку с померанцевою водой и брызжут на меня (обычное здесь приветствие), рвут между камнями пучки какой-то душистой травы, похожей и запахом и листьями на лавр, и подносят их мне. И Яни и Маноли были бы радостью живописцу. Они не знают ни башмаков, ни фески; когда слишком жарко —

оборванный пестрый платок на голову, когда холодно — старый башлык из толстой *абы*. На золотых личиках их горят большие веселые глаза, — огонь и бархат черный; темное сукно их одежды все в заплатках разноцветного ситца и полотна. Маноли скоро привык на заре стучаться в мою дверь и приносить овечье молоко для утреннего кофе; заходил и в комнату; я угощал его чаем; он сначала боялся, а потом съедал с двумя чашками столько хлеба, сколько мы съедим в два обеда; разговаривал о своих овцах, обещался летом приносить мне виноград, арбузы и дыни из отцовского огорода. Сколько чиновных петербургских отцов позавидовали бы бедному камнетесу, глядя на его крепкого, сияющего сына!

Раз Маноли случайно увидел себя в моем зеркале. Он никогда не видывал зеркала и до того испугался, что бросился бежать и долго не возвращался ко мне.

Чудак Б. рад этому.

— Если, — говорит он, — в двух шагах от Канеи, куда приходят австрийские пароходы и где веют флаги европейские, есть еще мальчишки, которые не видали зеркала, то челове-

чество, слава Богу, не скоро еще скажет свое последнее слово!

Маноли раз вздумал притравить свою собаку на ягненка; собака задушила ягненка. Отец прибил его за то больно и, конечно, поделом. Маноли рассердился и пропал. 1 фощли три дня в напрасных поисках по окрестностям. Отец принужден был просить помощи у полиции и со слезами умолял нашего консула пособить ему. Консул наш послал сказать паше и просил его ускорить розыск. Заптие скоро напали на след Маноли: он ночью *один* ушел верст за двадцать к родным в горы!

Для Б. опять радость. Вот из таких-то мальчиков, которые боятся зеркала и не боятся убегать в горы ночью, выходят великие греческие *капитаны*, те капитаны, которые бились за свободу в 21-м году и опять поведут критских греков в бой, когда ударит час![3]

Не знаю, прав ли мой восторженный товарищ, но я уверен, что ни у кого не заболит крепко душа, глядя на эту бедную, трудовую семью. Отец суров, мать смирна и молчалива, дети веселы и дики, и мы пожалеем их всем

сердцем; но эта жалость имеет в себе нечто полное и свежее, ибо страдания и лишения не обезобразили здесь человека. Что-то шепчет: стоит жалеть, ибо можно помочь. Но есть другие страдания, другие лишения, ядовитые и зловонные; взирая на них, мы слышим только голос христианского рассудка, но разбитое и унылое сердце молчит. О! Как тот, кто жил в больших городах, знаком хорошо с этим бессильным молчанием сердца!..

Спустимся под гору по этому душистому зеленому оврагу. Вот в тени олив стоят в стороне три белые домика, перед каждым опрятный двор, и на дворах цветы. Вместо крыш — террасы, глиняные полы чище иного паркета. На белых стенах картины и портрет *будущего* короля Георгия I. Из отворенных дверей видна спальня. За кроватью, украшенной кисейною занавеской, видны образа и лампада; столики, диваны турецкие, комод и дешевые стулья, все блещет и словно веселится!

Это жилище моего соседа, столяра. Рябоватый высокий старик, силач, балагур и честнейший человек в Мире; он живым примером опровергает поговорку: «Les grands parleurs

«sont toujours des petits faiseurs», он и *parleur* и *faiseur*. Целый день работает и целый день говорит. Нет у него своей работы, — он приходит ко мне; замечает в саду беспорядок, — чистит, метет, скоблит, поливает и говорит без умолку и о вере православной, и о том, что «турок — всегда турок», а русские настоящие христиане, и о том, как он далеко плавает в море. И конца нет! Жена его милая, веселая, опрятная старушка; и дочери, и сыновья хороши собой. Я каждый день, почти несколько месяцев сряду, видел эту семью и не уставал любоваться ею. Младший сын Маноли (это имя и Яни беспрестанно слышишь у греков), лет двадцати, особенно привлекателен, добр и даровит. У него большие способности к живописи, и теперь даже, не имея вовсе художественного образования, он порядочно пишет образа для церквей, и в той комнате, где родители его принимают гостей, стоит над дверями вырезанный из толстой бумаги и раскрашенный им очень аккуратно большой слон. Что за мир в этой семье, что за гостеприимство, что за веселость! Что за чистота во всем и на всем! Раз Маноли занемог, и я пришел

посетить его. Он лежал на диване; домашняя одежда его, подушка под головой, белое бумажное одеяло, все было так опрятно, что я удивился.

Мой друг столяр халепский не богат и не беден. Но я ездил и в другие деревни, бывал в домах богачей деревенских и обедал у них. Везде одно, одни нравы, один общий дух; опрятность, простор, простота, радушие и ум. Везде вдыхаешь полною грудью благоухание здоровой, бодрой, искренней семейности.

Семь месяцев прожил я в Халеппе и не видал ни пьянства, ни грязного бесчинства, ни драк. Когда и бывают семейные распри, их стыдятся, их прячут. Здесь мужья не гонятся с кнутами и палками за растрепанными женами по улицам деревени; не видать разбитых лиц и пьяных женщин. Идеал семейный строг, но строг он не для одних младших и не для одних женщин. Грек ревниво охраняет свои права отца и мужа; но он и сам к себе строг. Любовниц он не берет, не пьянствует; седины его не грязнятся развратом. Детей, конечно, бьют самые добрые отцы; но возможно ли иногда и не прибить непокорного ре-

бенка трудовому человеку, у которого за детьми нет ни нянек, ни наемных учителей? Когда вся семья иногда целый день на глазах и дети, при южной пылкости, шалят нестерпимо? Но бить женщин у критян срам, засмеют соседи.

Если б я стал описывать особо каждое из тех семейств, которые знаю, рассказ мой вышел бы слишком длинен. Одно еще можно сказать про всех, что самый взыскательный вкус, самый насмешливый ум не найдет в семейном счастье простого грека ничего тяжелого и смешного; ничего такого, что вызвало бы улыбку жалости и пренебрежения. В прекрасном месте, чистая деревня, чистые дома, цветущие лица, свежие дети, красивые девушки, юноши еще красивее; молодцеватость, достоинство и радушие приема, набожность и преданность отчизне, политический смысл... Где найдем мы все это вместе?

Примечания

Впервые: Русский Вестник. 1867. Т. LXVII. Кн. 2. С.486-500. Вошло в "Из жизни христиан в Турции". Здесь по: ПССиП, Т.3., СПб., 2001. С. 7-24.

[^^^]

2

По воскресеньям я встречал его у обедни разодетого и в хороших башмаках на босу ногу до колен. Мне сказали в деревне, что он Нарочно показывает свои икры, потому что они очень красивы.

[^^^]

3

Час ударил, как доказали события последнего времени.

[^^^]